

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-1

Беседина Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»,
656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61,
email: Efremova_e@mail.asu.ru

Besedina, Ekaterina S.,
Lecturer at the Department
of Theory and History
of State and Law, Altai State University,
61 Lenin Ave., Barnaul,
656049, Russian Federation,
email: Efremova_e@mail.asu.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО ПРАВА В НАСЛЕДИИ Ю. Ф. САМАРИНА

THE CONCEPT OF ORGANIC LAW IN THE LEGACY OF YU. F. SAMARIN

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена реконструкции целостной правовой концепции в наследии выдающегося славянофила и государственного деятеля Ю. Ф. Самарина. На основе анализа его исторических, публицистических и богословских работ доказывается, что разрозненные правовые суждения Ю. Ф. Самарина образуют стройное учение об органическом праве. В его центре острая критика западноевропейского юридического формализма, превращающего закон в отчужденную от жизни абстракцию, способную служить покрытием несправедливости. В качестве альтернативы Ю. Ф. Самарин выдвигает идею «живого права», которое произрастает из народной жизни, кристаллизуясь в обычае как воплощении объективного нравственного закона. Позитивный закон в этой системе играет не первичную, а охранительную роль, закрепляя уже сложившиеся в обществе органические нормы. В статье также рассматриваются внутренние трудности самаринской модели и ее актуальность с точки зрения глубокой критики современного механического правопонимания и веры во всеислие юридической процедуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ю. Ф. Самарин, славянофильство, критика позитивизма, органическое право, обычай

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Беседина, Е. С. Концепция органического права в наследии Ю. Ф. Самарина / Е. С. Беседина. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 9–14. – DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-1

ABSTRACT. This article reconstructs a holistic legal concept in the legacy of the outstanding Slavophile and statesman Yu. F. Samarin. Based on an analysis of his historical, journalistic, and theological works, it is demonstrated that Yu. F. Samarin's disparate legal propositions form a coherent doctrine of organic law. At its core is a sharp critique of Western European legal formalism, which transforms law into an abstraction, detached from life, capable of serving as a cover for injustice. As an alternative, Samarin advances the idea of "living law", which grows out of popular life, crystallizing in custom as the embodiment of objective moral law. Positive law in this system plays not a primary but a protective role, reinforcing already established organic norms in society. The article also examines the inherent difficulties of Yu. F. Samarin's model and its relevance in terms of a profound critique of modern mechanical legal thinking and the belief in the omnipotence of legal procedure.

KEYWORDS: Yu. F. Samarin, Slavophilism, criticism of positivism, organic law, custom

FOR CITATION:

Besedina, E. S. (2026) The Concept of Organic Law in the Legacy of Yu. F. Samarin. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 13(1): 9–14 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2026-13-1-1

В современной истории правовых и политических учений наследие Ю. Ф. Самарина, одной из ключевых фигур славянофильства и активного участника подготовки Великих реформ, остается недостаточно изученным, особенно в его собственно юридическом аспекте. Основной причиной фрагментарности изучения правовых аспектов является тот факт, что в обширном наследии мыслителя практически отсутствуют специально юридические тексты. Самарин не был профессиональным юристом и не ставил перед собой задачи создания системной теории права. Его правовые взгляды разбросаны по историческим, публицистическим и богословским трудам, а также содержатся в эпистолярном наследии. Эта особенность источниковой базы прямо вытекает из фундаментальной мировоззренческой установки славянофильского кружка: признания принципиальной вторичности формального права по отношению к религиозным и нравственным основам общественной жизни. Однако применяя метод реконструкции, можно выявить, что за кажущейся разрозненностью суждений скрывается внутреннее непротиворечивое учение о праве, сформировавшееся на стыке философии, богословия, истории и практики государственных реформ.

Отталкиваясь от базовой установки о вторичности писанного закона, Ю. Ф. Самарин строит свою правовую позицию на последовательной критике западноевропейского юридического позитивизма. В центре его критики – фетишизация юридической нормы и конституционной процедуры, которые, по его мнению, ведут к подмене живой правды отвлеченной юридической фикцией.

Основной порок западного права Самарин видит в его абстрактном, безличном характере. Закон, созданный для «всех» и «каждого», на деле оказывается неспособным учесть «неисчерпаемое разнообразие жизненных явлений» и конкретную нравственную ситуацию. В своем стремлении к универсальности он становится инструментом насилия над уникальностью: «Закон... рубит немилостиво все, что попадает под его лезвие, и личность гибнет, и с ней вместе гибнет часто правда в неразрывной борьбе с законностью» [3, с. 9]. Это превращает право из средства защиты в механизм отчуж-

дения, где формальная правильность может прикрывать существенную несправедливость.

Особую опасность такой формализм приобретает в российской действительности, где лишенный органической связи с народным сознанием, он выродился в орудие системного лицемерия и произвола. Опыт работы в Остзейском крае и изучение российской глубинки дали Самарину богатый материал, демонстрирующий, как формальный закон может служить прикрытием для насилия. Так извращенная практика, основанная на «странном убеждении, что собственные признания необходимы для улики», порождает порочный круг допросов розгами с целью получить это «добровольное» признание – практику известную как «запирание». Этот узаконенный произвол был для Самарина воплощением «вынужденного, а не свободного подчинения» – прямой противоположностью подлинному, органическому праву. Аналогично, практика «разбора евреев на разряды», формально регулируемая законом, на деле представляла собой систему узаконенного вымогательства. Это был, по сути, «беззаконный легализм» – торжество процедуры, оправдывающей насилие и служащей прикрытием для коррупции и социально-го угнетения.

Но наиболее глубоко системный характер этого извращения права Самарин раскрывал на примере уголовного производства в условиях крепостничества. Он отмечал, что даже при стремлении законодательства к «безошибочной точной алгебраической выкладке» живая личность судьи, подчиняясь духу времени, выносила приговоры, исходя не из меры вины, а из социального статуса обвиняемого: помещик получал снисхождение для сохранения своего «значения», а крестьянин карался в «назидательный страх другим». «Таким образом, коренная неправда основных отношений влечет за собой целый ряд частных несправедливостей со стороны самого правительства, невольно потворствующего неправде» [7, с. 54]. Этот анализ показывал, что в обществе, основанном на «коренной неправде» (крепостном праве), самый совершенный формальный закон неизбежно становится ее соучастником, а не исправителем. Это и было сутью порочной механической законности – системы, где формальное правило, лишенное нравственного

фундамента, служит охране порочного порядка, а не установлению справедливости. Отсюда очевиден вывод, что для Самарина очевидна была ограниченность любых чисто правовых механизмов.

Основываясь на этой критике западного формализма, Ю. Ф. Самарин противопоставлял ему собственную концепцию права. Если западный юридизм, по его мнению, был продуктом абстрактного рассудка, то подлинное «живое право» вырастает органически из глубины народной жизни. Его высшим и абсолютным источником является не воля законодателя, а объективный нравственный закон, укоренный в религиозном сознании и имеющих для мыслителя такую же реальность, как «законы естества».

Эта позиция позволила Самарину быть последовательным критиком не только позитивизма, но и рационалистической естественно-правовой школы. Он отвергал идею о существовании единого для всего человечества набора правовых идеалов, выводимых из абстрактного разума. Согласно христианской антропологии, которую разделял мыслитель, искаженная грехопадением человеческая природа предопределяет, что абсолютный нравственный закон видим нами «как бы сквозь тусклое стекло». Каждый народ, в силу своих исторических судеб, верований и традиций, воспринимает его по-своему, что порождает уникальное многообразие конкретных форм права. «Неужели, например, нравственные понятия католика, протестанта, мормона, ирвингиста, сенсимониста одинаковы?» [4, с. 236] – риторически вопрошал Самарин, демонстрируя невозможность вывести единую, универсальную для всех модель права.

Таким историческим проводником и воплощением нравственного закона для каждого конкретного народа выступает обычай. Именно в органически сложившемся обычае, а не в абстрактной законодательной схеме, универсальный закон, преломленный через призму национального характера и исторического опыта, кристаллизуется в действующие нормы человеческого общежития. Поэтому здоровый обычай для Самарина – не просто стихийная практика, а воплощенная нравственность нации.

В этом убеждении в примате обычая как живого источника права позиция Самарина

внешне сближается с доктриной исторической школы права (Ф. К. Савиньи, Г. Ф. Пухта). Однако за внешним сходством скрывается принципиальное различие в обосновании. Если для немецких юристов обычай – это всегда выражение духа, то для Самарина это всегда выражение духа просветленного и направленного сверхнациональным христианским нравственным законом [1, с. 155]. Историческая школа искала право в национальной психологии, Самарин – в национальной совести, сформированной верой.

Отсюда вытекает и ключевой методологический принцип: подлинное право следует искать не только в сводах законов, но в целостном культурно-историческом опыте нации – в летописях, житиях святых, народных песнях, преданиях и современном ему быте, который является «живым и самым надежным комментарием к прошлому» [5, с. 268], то есть продолжающимся источником правового сознания. В этом стремлении найти право в самой жизни общества, а не только в писанных источниках, можно увидеть сходство и с принципами формировавшейся позже социологической школы права. Так, этот подход позволял ему видеть в древнерусской истории не «бедность правовых форм», на которую указывали западники, а иную, более высокую логику общежития, основанную не на внешних гарантиях и контрактах, а на взаимных нравственных обязательствах и «идеальных отношениях».

Однако Самарин избегает наивной идеализации и романтизации обычая. Он трезво признавал его двойственную природу. Его практический опыт подсказывал, что обычай, рожденный в условиях системной несправедливости, может не воплощать, а извращать нравственный закон, закрепляя «безнравственную практику». Ярким примером для него служила крепостническая система, где под влиянием векового произвола сформировался искаженный пласт обычного права. «Мы сами создали эту уродливую нравственность, сами же ею и возмущаемся», – писал он, указывая на парадокс, при котором воровство у помещика, формально являясь преступлением, встречало в крестьянской среде «снисходительность, а иногда даже тайное одобрение» [8, с. 603]. Такой деформированный обычай, по его словам, «есть не выражение народного духа, а фиксация его

искажения, он перестает быть правом, превращаясь в «орудие порабощения» [8, с. 204]. Следовательно, перед законодателем становится задача отличить «истинный обычай» от «патологического обычая». Самарин подчеркивает, что истинный обычай «всегда нравственен в своей основе». Однако сам не предлагает конкретных критериев для такого разграничения, оставляя решение на откуп нравственной интуиции.

Принципиально важно, что несмотря на острую критику формального права и юридического позитивизма, Ю.Ф. Самарин отнюдь не был правовым нигилистом и признавал огромную практическую роль позитивного закона. Однако его понимание законности радикально отличалось от западного. Исторический анализ, в частности изучение практики престолонаследия от Петра I, привел его к категоричному выводу: в России «понятие законности так и не сформировалось» [5, с. 166]. В условиях самодержавия закон всегда оставался инструментом воли монарха, а не ограничивающим его фактором. Этот вердикт относится ко всем слоям народа. Подлинная законность, по Самарину, коренилась не в таких зыбких юридических конструкциях, а в «любви народной» и духовно-нравственном единстве нации, убежденной в «единстве интересов верховной власти и Русской земли» [5, с. 168].

Именно этот исторический диагноз – отсутствие укоренной формальной законности, и делал, по мнению Самарина, невозможным и пагубным механический перенос на русскую почву западного конституционализма. При этом анализируя причины правового хаоса и «беззаконного легизма» в Остзейском крае, он сформулировал строгую систему положительных условий, необходимых для истинной законности.

Во-первых, законность требует содержательной полноты – наличия достаточного количества законов, охватывающих все существенные общественные отношения. Во-вторых, эта система должна быть качественно определенной: законы должны быть актуальными и практически применимыми в современном быту, что требует своевременного очищения от устаревших и противоречащих друг другу актов. Но центральным, ключевым условием для Самарина был принцип доступности, под-

разумевающий не только физический доступ к тексту законов, но и их смысловую ясность для каждого гражданина. Ситуация, при которой подлинный смысл закона остается монополией узкой касты профессиональных толкователей (как в случае с остзейским дворянством), – прямая дорога к беззаконию [10, с. 113].

Отсюда вытекает и представление Ю. Ф. Самарина о законотворческом процессе. Главной проблемой современного ему законотворчества мыслитель считал разрыв между народной жизнью и процессом создания законов. «Народная жизнь не находит отражения в сознании образованного общества и не влияет на законодательство. В результате законодатель работает “одиноко”» [9, с. 5], – констатировал он. Чтобы преодолеть этот разрыв, власть не должна была «забегать вперед», предрешая таким образом развитие абстрактными нормами. Задача власти заключалась в том, чтобы, преодолев эту разобщенность, выявлять назревшие «самые насущные потребности» народа и уже сложившиеся для их удовлетворения здоровые практики. При этом Самарин подчеркивал, что писанный закон необходим далеко не всегда. Его роль – не заменять жизнь, а закреплять и охранять уже сложившиеся в ней органические нормы в тех случаях, когда это действительно требуется для ясности или защиты от произвола. Во многом тут позиция Юрия Федоровича Самарина расходится со взглядами его учителя А. С. Хомякова. Если для Хомякова конечной целью было превращение закона в обычай: «целью всякого закона... обратиться в обычай, перейти в кровь и плоть народа» [12, с. 54], то для Самарина, опирающегося на опыт государственных реформ, первичным был обратный процесс: движение от сложившегося обычая к его легализации в форме закона. Таким образом, по Самарину, право не должно опускаться сверху в виде идеальной нормы, а должно было подниматься снизу, из почвы народной жизни.

В определенном смысле подход Самарина к праву можно определить как предвосхищение интегративного правопонимания. Самарин искал право не в одном источнике, а в их органическом синтезе. Однако его синтез принципиально отличался от позднейших интегративных моделей. Если классическая интегративная юриспруденция стремится механически соединить уже готовые и обособ-

ленные элементы западных доктрин, то для Самарина эти начала изначально нераздельны. Нравственная ценность (христианский закон), социальная форма (обычай) и государственное веление (писанный закон) плавно вытекают друг из друга. Следовательно, как отмечает А. А. Васильев, такое правопонимание является синтетическим: право есть воплощение нравственного идеала в исторической жизни нации, последовательно проявляющееся в обычае и законе [2, с. 38].

Антропологическим стержнем правопонимания Самарина является его учение о долге, связывающее право с внутренним миром человека. Он выстраивает его на трех началах: «психическая свобода», объективный нравственный закон, соразмерность требований закона человеческим возможностям – принцип исполнимости нормы. Из этой триады следует ключевой вывод: право есть внешнее оформление внутреннего нравственного императива, свободно осознанного личностью. Именно поэтому для Самарина была неприемлема любая форма принуждения в сфере совести [11].

Таким образом, правовое учение Ю. Ф. Самарина предстает как целостная система, основанная на идее органической природы права. В противовес формальному позитивизму он видит право живым явлением, вырастающим из глубины народного духа и нравственного сознания. Его синтетический подход связывает христианский идеал, правовой обычай и позитивный закон в иерархичное единство, где писанный закон – не произвольная воля, а закрепление созревшей в жизни нормы.

Однако это глубокая модель имеет уязвимые места, проистекающие из ее же достоинств. Во-первых, она не дает четкого критерия для различения «истинного» нравственного обычая от «патологического», что в условиях современного плюрализма создает почву для субъективных трактовок. Во-вторых, ставка на медленную кристаллизацию обычая плохо отвечает на вызовы стремительных социальных изменений, где промедление с законодательным регулированием чревато произволом. Наконец, акцент на коллективное сознание может ставить под вопрос гарантии индивидуальных прав.

В то же время актуальность критики Самарина сегодня лишь возрастает. Он вскрывает суть единого извращенного права – веру в его всеислие, которая проявляется двояко: как гипертрофированное законотворчество, пытающееся урегулировать неподвластные праву сферы жизни, и как фетишизация процедуры, где скрупулезное следование норме становится ритуалом, оправдывающим несправедливость и отчуждение. Обе формы суть проявления отрыва права от его нравственной и жизненной почвы.

Список использованных источников

1. Андреев Н. Ю. Анализ связи правовых доктрин славянофилов и немецкой исторической школы права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2 (15). С. 149–156.
2. Васильев А. А. Синтетическая теория права интерпретации представителей консервативной идеологии России // Правоведение. 2016. № 4 (327). С. 34–64.
3. Самарин Ю. Ф. Вече и Князь // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3: Русское самосознание. СПб.: Росток, 2016. С. 7–21.
4. Самарин Ю. Ф. Замечание на «Заметки “Русского Вестника”» по вопросу народности в науке // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1: Литература и история. СПб.: Росток, 2013. С. 232–243.
5. Самарин Ю. Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1: История и литература. СПб.: Росток, 2013. С. 152–169.
6. Самарин Ю. Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1: История и литература. СПб.: Росток, 2013. С. 267–281.
7. Самарин Ю. Ф. О крепостном состоянии и о переходе из него // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4: Крестьянское дело. СПб.: Росток, 2017. С. 43–145.
8. Самарин Ю. Ф. О мерах для смягчения и облегчения крестьянского состояния // Собрание сочинений в пяти томах. Том 4: Крестьянское дело. СПб.: Росток, 2017. С. 193–211.
9. Самарин Ю. Ф. О проекте земских хозяйственных учреждений. 1-е изд. М.: Тип. Бахметева, 1863. 70 с.
10. Самарин Ю. Ф. Письма из Риги. Май-июнь 1848. Письмо 5-е. Верность, законность и обязательность привилегий в Остзейском крае // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3: Русское самосознание. СПб.: Росток, 2016. С. 106–128.
11. Самарин Ю. Ф. Понятие о долге // Русская религиозная мысль. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912.
12. Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова Т. 1. М.: Тип. Лебедева, 1900. С. 143–175.

References

1. *Andreev N. Yu.* Analysis of the connection between legal doctrines of the Slavophiles and the German historical school of law. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law.* 2013. No. 2 (15). P. 149–156 [in Russ.].
2. *Vasiliev A. A.* Synthetic theory of law in the interpretation of representatives of Russian conservative ideology. *Pravovedenie.* 2016. No. 4 (327). P. 34–64 [in Russ.].
3. *Samarin Yu. F.* Veche and the Prince. *Collected works in five volumes. Vol. 3. Russian self-consciousness.* Saint Petersburg: Rostok, 2016. P. 7–21 [in Russ.].
4. *Samarin Yu. F.* Remarks on the “Notes of the Russian Messenger” on the question of nationality in science. *Collected works in five volumes. Vol. 1. Literature and history.* Saint Petersburg: Rostok, 2013. P. 232–243 [in Russ.].
5. *Samarin Yu. F.* On what the supreme power in Russia is based and how it is determined. *Collected works in five volumes. Vol. 1. History and literature.* Saint Petersburg: Rostok, 2013. P. 152–169 [in Russ.].
6. *Samarin Yu. F.* Several words concerning the historical works of B. Chicherin. *Collected works in five volumes. Vol. 1. History and literature.* Saint Petersburg: Rostok, 2013. P. 267–281 [in Russ.].
7. *Samarin Yu. F.* On serfdom and the transition from it. *Collected works in five volumes. Vol. 4. The peasant question.* Saint Petersburg: Rostok, 2017. P. 43–145 [in Russ.].
8. *Samarin Yu. F.* On measures for mitigating and improving the condition of peasants. *Collected works in five volumes. Vol. 4. The peasant question.* Saint Petersburg: Rostok, 2017. P. 193–211 [in Russ.].
9. *Samarin Yu. F.* On the project of zemstvo economic institutions. 1st ed. Moscow: Bakhmetev Printing House, 1863. 70 p. [in Russ.].
10. *Samarin Yu. F.* Letters from Riga. May–June 1848. Letter 5. Fidelity, legality and binding force of privileges in the Ostsee region. *Collected works in five volumes. Vol. 3. Russian self-consciousness.* Saint Petersburg: Rostok, 2016. P. 106–128 [in Russ.].
11. *Samarin Yu. F.* The concept of duty. Russian religious thought. Moscow: Printing House of A. I. Snegireva, 1912 [in Russ.].
12. *Khomyakov A. S.* On Humboldt. Complete works of Aleksei Stepanovich Khomyakov. Vol. 1. Moscow: Lebedev Printing House, 1900. P. 143–175 [in Russ.].

Поступила в редакцию 25.01.2026

Received January 25, 2026